

УДК 347

Фатьянов А.А.

Очерк истории развития института коммерческой тайны в российском законодательстве имперского периода и периода возрождения рыночных экономических отношений

Фатьянов Алексей Александрович, доктор юридических наук, профессор, директор Института проблем эффективного государства и гражданского общества ФГОБУ высшего профессионального образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», действительный член РАЕН
E-mail: 561712@mail.ru

В статье осуществлен анализ законодательного регулирования отношений в сфере коммерческой тайны в России в период до 1917 г., а также в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., проведены некоторые логические параллели с современным уровнем правового регулирования.

Ключевые слова: информация, сведения, коммерческая тайна, секрет производства, ноу-хау.

Коммерческая тайна как социальное, а затем и правовое явление имеет, по всей видимости, столь же древнюю историю, как и отношения товарного обмена, получившие название рыночных. Цели извлечения прибыли, а в ряде случаев и прямого выживания диктовали необходимость ограничения в доступе, как минимум, к двум категориям информации:

- а) о первоначальной цене (цене приобретения) перепродаваемого товара;
- б) о технологических особенностях произведенного товара, делающих его рыночно привлекательным.

Стоит отметить, что данные составляющие сведений, относимых к коммерческой тайне, актуальны и для сегодняшнего времени, приобретая, естественно, современные оттенки и звучания. найдется совсем немного желающих из числа продавцов, кто вам откровенно скажет, где и за какую цену приобрел предлагаемый вам товар. Технологические, производственные секреты – и того пуще.

Возьмем для примера один исторический факт – производство китайского фарфора. По некоторым оценкам этой технологии более двух тысячелетий, причем доподлинно традиция изготовления этого замечательно-го вещества не раскрыта мировым производителям в полном объеме до сего времени, а еще двести лет назад за разглашение или попытку добычи этого производственного секрета полагалась смертная казнь.

Можно предположить, что государство в течение весьма продолжительного периода времени ограничивало свое вмешательство в отношения, связанные с коммерческой тайной, ограничиваясь, в основном, установлением охранительных норм. Расширение правового регулирования обусловлено было формированием промышленного общественного уклада, именуемого индустриальным строем.

В данный период, помимо установления системы наказаний, возникла необходимость в правовой регламентации еще нескольких комплексов общественных отношений:

- преодоления ограничений на доступ к коммерческой тайне в фискальных целях;
- расширения регулятивного воздействия в связи с осознанием негативных последствий монополизации экономики и недобросовестной конкуренции.

С этого периода одним из источников регулятивного воздействия на коммерческую тайну становится законодательство о недобросовестной конкуренции, которое в промышленно развитых европейских государствах сформировалось в конце XIX – начале XX вв. Так, например, редакция 1909 г. немецкого закона 1896 г. о недобросовестной конкуренции ввела понятие «Geschäfts- oder Betriebsgeheimnisse», то есть «бизнес- или коммерческой тайны», которое, по мнению В. Розенберга, «дает указание на две существенные составные части промышленной тайны – на тайну технических процессов фабрикации или производства каких-либо продуктов (фабрично-промышленная тайна) и тайну коммерческую, деловую, относящуюся до операций по сбыту товара, касающуюся индивидуальных особенностей коммерческого дела и торговой деятельности»¹.

¹ Розенберг В. Промысловая тайна. СПб., 1910. С. 10.

Примечательно также, что в вышеуказанный период времени в российской юридической доктрине понятия «фабричная (фабрично-промышленная тайна)» и «коммерческая тайна» разграничивались и затем интегрировались в более общую категорию «промышленная тайна».

Следует отметить, что регулятивная составляющая отношений по обеспечению сохранности коммерческой тайны (в смысле категориального ряда, принятого в тот период времени) была довольно скудной.

Основной документального оформления предпринимательской деятельности в имперский период являлись купеческие (конторские) книги, статус которых определялся книгой третьей Устава торгового Российской империи. Глава первая раздела второго этой книги содержала следующую норму:

«Лица, торговыми делами занимающиеся, обязаны иметь и содержать в надлежащем порядке свое счетоводство, сообразно роду торговли, которая вообще может быть разделена на три разряда: оптовую, розничную и мелочную».

Представляется небезынтересным посмотреть, что законодатель того времени относит к *информационным источникам* для коммерческой тайны.

В соответствии со ст. 670 книги третьей Устава торгового (далее, для краткости, – книги третьей), к лицам первого разряда принадлежали банкиры, оптовые негоцианты «и вообще все производящие заграничную торговлю и комиссионные дела».

Данная категория лиц была обязана вести (содержать) следующие книги:

1. Мемориал или журнал для ежедневной записки всех дел и всего торгового производства.
2. Кассовая книга, в коей вписывается подробно каждая статья приема и выдачи денег.
3. Гросс-бух или главная книга, открывающая отдельные счета по всем оборотам торговли, как то: счет собственного капитала и имущества недвижимого и движимого. счет должников и займодавцев, счет товаров, счет кассы, счет торговых расходов, домашних расходов, прибыли, убытка и проч.
4. Книга для копий со всех своих отходящих торговых писем, кои выписываются буквально.
5. Товарная книга для записи всех купленных, полученных, проданных и отправленных товаров с означением цен оных.
6. Книга расчетная (contocourant или ricontrol) для открытия текущих счетов каждому должнику и займодавцу.
7. Книга для записки исходящих счетов на проданные товары.
8. Фактурная книга для записки счетов или фактур на отправленные товары.

Дом торгового товарищества «Братья Елисеевы» (Елисеевский магазин, Москва): книги отчетности в кабинете управляющего (слева) и в конторе (справа). Фото 1913 г.

Категория розничных торговцев, составляющих второй разряд, должна была вести следующие книги:

1. Товарная книга для записи всех получаемых и продаваемых товаров с ценами и кондициями оных.
2. Кассовая книга о приходе и расходе денег.
3. Расчетная книга для подробного означения: когда, сколько и за что должен сам и кому, кто ему должен, с означением сроков и отметкою сделанных или полученных уплат.
4. Документная книга для подробной записи векселей, заемных писем, расписок, банковых билетов, акций, контрактов, договоров и тому подобных документов.

Категория мелочных торговцев, относимая к третьему разряду, под которую также попадали мещане и ремесленники, должна была вести:

1. Кассовую книгу для записи на приход ежедневной выручки общими итогами, а расход, как на платеж за купленные товары и материалы, так и на домашние и все прочие издержки в подробности.
2. Товарную книгу для записи всех полученных товаров с ценами и кондициями.
3. Расчетную книгу для записи всех полученных товаров с ценами и кондициями.

Мелочные торговцы, продающие с лотков, ларей и столов, также в развоз и в разное, не обязывались ведением книг.

Данное подробное перечисление потребовалось, чтобы оценить масштаб информации, связанной с осуществлением коммерческой деятельности, а также в связи с относимостью содержащихся в них сведений к коммерческой тайне.

Теперь приведем главное положение данной главы Устава торгового, определяющее порядок и основания доступа к информации, содержащейся в купеческих книгах (статья 681):

«Вышеозначенные книги, когда они ведены в надлежащем порядке и исправности, могут служить, на основаниях, указанных в Уставах Гражданского и Торгового Судопроизводства, удостоверением и доказательством при возникших спорах, тяжбах и процессах, как по торговле, так и по прочим делам, до торгующих относящихся. *Предъявление книг в суд, для такого удостоверения и доказательства, отдается на полную волю хозяина* [выделено в первоисточнике – А.Ф.]. Только в случае спора о наследстве или по торговому товариществу, ежели сторона, при неимении других доказательств, сошлется на книги, то по определению суда должны быть предъявлены в суд и открыты отряженному им Члену или участковому мировому судье подлежащие статьи из книг, но при этом хозяева не обязываются оставлять книг своих в суде. *Сверх сего, за исключением случаев, означенных в статье 682 сего Устава и в статье 368 Устава Уголовного Судопроизводства, никто и ни под каким предлогом не вправе требовать, чтобы открыты были купеческие книги, составляющие ненарушимую коммерческую тайну* [выделено в первоисточнике – А.Ф.]. Однако же, судебные установления, за неимением других доказательств, могут основать свое решение на книгах истца, ежели ответчик не согласится опровергнуть их своими книгами».

Подведем некоторый промежуточный итог данным историко-правовым изысканиям.

1. Коммерческая тайна ненарушима, то есть доступ к информации, содержащейся в купеческих книгах, как в их совокупности, так и по отдельности, как к содержанию книги в целом, так и частично, запрещается.
2. Любые сведения, без их подразделения на категории, признаются коммерческой тайной на основании факта внесения их в купеческие книги.
3. В разряд коммерческой тайны попадает также и информация личного характера, которую ныне принято называть персональными данными, которая касается трат купца (торговца) на личные и семейные нужды.
4. В законодательстве определены исключения из общего правила «ненарушимости» коммерческой тайны.

В принципе, для того периода развития данных отношений схема вполне приемлемая, так как обязывать малограмотного «розничного» купца отделять «зерна от плевел» в части выделения конкретных сведений, составляющих его коммерческую тайну, выглядело бы абсурдом. Забегая несколько вперед, отметим, что некоторая законодательная натяжка в данном вопросе имеет место и в настоящее время.

Мы также можем обратить внимание на тот факт, что обладатель этой информации вправе по собственному усмотрению ограничивать к ней доступ или раскрывать ее. Говоря иначе, несмотря на то, что определенный объем информации автоматически относился российским законодательством имперского периода к коммерческой тайне, требование ее защиты от распространения являлось субъективным правом управомоченного лица (купца, торговца).

Обратимся теперь к анализу исключений из общего правила «ненарушимости» коммерческой тайны. Сначала процитируем нормативный материал, на который идут отсылки в приведенной выше ст. 681 книги третьей.

Статья 682 той же книги содержит довольно краткое правило:

«Только в случае упадка и несостоятельности, признанной по определению надлежащего судебного места, купеческие книги отбираются от несостоятельного и рассматриваются кем следует».

Нормы, регулирующие отношения, связанные в том числе с доступом к информации ограниченного распространения в рамках уголовного судопроизводства того периода, не исчерпывались только одной ст. 368, указанной выше. Так или иначе, данные отношения затрагивают еще несколько правоположений данного акта. Так, ст. 367 устанавливала следующее:

«Обыск в бумагах подозреваемого лица должен быть производим с крайней осторожностью, без оглашения обстоятельств, не относящихся к следствию. Отбирать и прилагать к делу следует только бумаги необходимые, которые и предъявляются понятым другим присутствующим при обыске лицам».

Анализ данного правоположения в преломлении к коммерческой тайне позволяет сделать следующие выводы:

- а) определение того, какие документированные сведения имеют отношение к конкретному уголовному расследованию, осуществляет следователь по собственному усмотрению;
- б) следователь обязан оградить от оглашения сведения, не относящиеся к делу;
- в) сведения, относящиеся к делу, хотя они и относимы к коммерческой тайне, приобретают характер общедоступных в тех рамках, в которых это необходимо для осуществления правосудия.

Статья 368, не которую имелась отсылка из норм Устава торгового, содержит следующее правоположение:

«Ни присутственные места, ни должностные лица не могут отказываться от выдачи нужных к производству следствия письменных или вещественных доказательств».

Это есть не что иное, как обязанность любых лиц раскрывать перед следствием любые сведения, хотя бы

они и составляли коммерческую тайну.

Статья 369 устанавливала, что «маклера и нотариусы обязаны по требованию судебного следователя показывать ему свои книги».

В делопроизводстве указанных лиц возможна была высокая концентрация сведений, составляющих коммерческую тайну иных лиц. Данное правоположение снимало с них обязанность по ограничению в доступе к этой информации перед конкретным должностным лицом – следователем, осуществляющим расследование по уголовному делу, в орбиту которого данная информация вовлекалась.

Наконец, ст. 370 устанавливала следующее:

«Если представляется необходимость в получении бумаг, переданных присяжному поверенному с условием сохранить их в тайне, то следователь рассматривает их вместе с присяжным поверенным, соблюдая в точности правило, постановленное в статье 366-й».

В свою очередь, ст. 366 устанавливала, что «следователь имеет право открывать запретное, когда хозяин не сделает того добровольно».

Совокупное истолкование данных правоположений показывает следующее:

а) присяжный поверенный (в современном понимании – адвокат) при окружном суде или судебной палате был вправе принять от лица документированную информацию и стать обязанным сохранять ее в тайне;

б) следователь имел право доступа к этой информации, но предварительно должен был предложить лицу добровольно раскрыть ее перед ним.

Таким образом, вырисовывается следующая система регулятивной составляющей законодательного обеспечения сохранности коммерческой тайны в Российской империи: *коммерческая тайна сводится к содержанию купеческих книг, виды которых определены законодательно; законодательно установлено общее правило «ненарушимости» коммерческой тайны, из которого имеются по большому счету только два исключения принудительного преодоления волевого запрета обладателя этой информации – объявление предпринимателя несостоятельным либо уголовное расследование, для собирания доказательств в рамках которого необходим доступ к сведениям, составляющим коммерческую тайну конкретного лица.*

Хотя В. Розенберг совершенно справедливо полагал, что промысловая (торгово-промышленная) тайна состоит из двух основных ответвлений – тайны фабричной (тайны процессов производства благ) и тайны коммерческой (тайны процессов распределения благ)¹, отечественный законодатель имперского периода не сформировал практически ни одной прямой регулятивной нормы касательно фабричной тайны и упоминание о ней содержится только в нормах охранительной природы. Так, ст. 1355 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных устанавливала следующее:

«Кто из людей, принадлежащих к фабрике, заводу или мануфактуре, огласит какое-либо содержащее втайне средство, употребляемое при изготовлении или отделке произведений тех фабрик, заводов или мануфактур, когда не было на сие положительного согласия тех, коим сия тайна принадлежит по праву, и следственно к ущербу их, тот подвергается за сие:

заключению в тюрьме на время от четырех до восьми месяцев. 1845 Авг. 15 (19283) ст. 1790; 1863 Апр. 17 (39504) VII».

Учитывая, что данное правоположение является единственной целостной нормой, регулировавшей рассматриваемые правоотношения, которую авторам настоящего исследования удалось обнаружить в Своде законов Российской империи, ее следует подвергнуть тщательному анализу.

Начнем с даты первоначального обнародования – 1845 г., то есть период действия крепостного права, отсюда и формулировка «кто из людей, принадлежащих к фабрике, заводу или мануфактуре», которая отражала скорее не отношения найма рабочей силы, а отношения административной зависимости. Вместе с тем, данную формулировку следует толковать расширительно: принадлежность к организации могла возникнуть и из факта трудовых отношений.

Следующий момент: «вверение в виде тайны». В современном понимании данное юридическое действие является, с одной стороны, правонаделением в части возможности определенным образом использовать информацию ограниченного доступа и, с другой стороны, возложением обязанности по сохранению данной информации в тайне. Отсюда следует, что объем защищаемых сведений должен быть каким-то образом объективирован. Законодатель того периода вообще его материализовал, обозначив как «средство, употребляемое при изготовлении или отделке произведений», под которым, по всей вероятности, следует понимать как вещества, инструменты или устройства, так и технологии.

Следующий момент: первичное правообладание сведениями ограниченного доступа, которое выражено во фразе «коим сия тайна принадлежит по праву». Следует полагать, что речь здесь идет о хозяевах предприятия, которые вместе с материальными ценностями, образующими инфраструктуру предприятия, приобрели право на информацию ограниченного доступа. Обоснованность данного вывода подтверждает также фраза «следственно к ущербу их», подчеркивая тем самым, что речь идет о лицах, которые извлекают прибыль (выгоду) из результатов производственной деятельности, то есть о собственниках предприятия.

Таким образом, в современной трактовке проанализированное правоположение могло бы выглядеть следующим образом: если лицо, состоящее в трудовых отношениях с организацией, противоправно распространит доверенные ему сведения, составляющие секрет производства, в результате чего наступит ущерб законным

¹ Розенберг В. Указ. соч. С. 15.

обладателям данной информации, то за это наступит определенное наказание.

Теперь о величине санкции. Статья 1355 находится в главе 14 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, именуемой «О нарушениях уставов фабричной, заводской и ремесленной промышленности». Наиболее распространенным видом наказания за правонарушения, описанные в данной статье, является денежное взыскание (штраф), которое налагалось даже за учреждение завода или фабрики лицом, не имеющим на то права. Тюремное заключение, помимо разглашения «фабричной тайны», полагалось лишь для участников стачки, уничтоживших фабричное имущество, либо понудивших других рабочих посредством насилия или угроз прекратить работу.

Из данного анализа следует, что законодатель имперского периода хорошо осознавал общественную опасность такого деяния как разглашение «фабричной тайны», причем сохранял к нему неизменное отношение с момента введения санкции (1845 г.) до окончания ее действия (1917 г.).

Скудость в правовом регулировании порождала необходимость в более широком доктринальном осмыслении проблем, связанных с комплексом отношений, именуемых промысловой тайной. Но для этого была необходима и определенная теоретическая платформа. В. Розенберг, формируя ее, отмечал следующее:

«Каждый факт, событие и поступок сами по себе способны стать тайною, но чтобы действительно сделаться предметом секрета или тайны, они должны удовлетворять некоторым условиям объективного и субъективного характера.

С объективной точки зрения тайно лишь то, что не общеизвестно, а с субъективной – покров секрета простирается лишь постольку, поскольку на соблюдение тайны направлена индивидуальная воля того, за чей, так сказать, счет охраняется сама тайна.

Другими словами, общеизвестное одною только индивидуальною волею не может быть превращено в тайну, и, наоборот, то, что могло бы быть по своим объективным признакам, как не общеизвестное, тайною, не есть таковая, если тот, ради интересов которого охраняется тайна, не пожелал сделать из этого тайны.

Таким образом, первый вопрос – что может почитаться тайным в объективном смысле. На это дает ответ практика имперского суда – требуется не абсолютная тайна, а лишь не общеизвестность (*Offenkundigkeit, Öffentlichkeit*). Общеизвестным называют то, что известно неопределенно большому кругу лиц и доступно восприятию всякого желающего. Между этими двумя крайностями – абсолютною тайною и общеизвестностью – лежит то, что может быть известно определенному числу лиц, и что может с объективной точки зрения, тем не менее, почитаться тайною. Конечно, определенный круг людей, входящий в состав этого понятия, не может быть определен какими-либо числовыми критериями – он может быть в отдельных случаях и шире и уже, но провести грань между определенным кругом и общеизвестностью представляет уже вполне возможную в каждом данном случае задачу конкретного усмотрения суда.

Другой элемент понятия – субъективный момент – воля, направленная на сохранение тайны. Эта воля не безгранична и находит свой предел не только в невозможности сделать явное, т.е. общеизвестное, тайным, но также и в том, что охрана тайны допустима постольку, поскольку с сохранением тайны сопряжен какой-либо защищаемый правом интерес. Этот интерес может быть различен, но в сфере промысловой тайны он имеет всегда характер имущественного.

Таким образом, в этих двух моментах, объективном и субъективном, имеются уже общие критерии для определения защищаемой современным законодательством тайны, которая охраняется от оглашения мерами уголовной и гражданской репрессии.

Эти же общие начала применимы и для установления понятия находящейся под правовой охраной промысловой тайны в обоих ее разветвлениях – тайны фабричной или промышленной, т.е. тайны процессов производства благ, и тайны коммерческой, т.е. тайны процессов распределения благ»¹.

В приведенном суждении имеется несколько интересных мыслей, которые характерны не только для института коммерческой тайны, но и для правовых систем ограничения в доступе к информации в целом. Прежде всего это логический вывод о том, что общеизвестную информацию невозможно сделать тайной (признак неизвестности третьим лицам, как мы увидим в дальнейшем, является ныне одним из системных признаков относимости сведений к коммерческой тайне).

Второй момент заключается в субъективном желании ограничить доступ к какому-либо объему информации. Ограничение в доступе к информации всегда имеет персонализированную окраску – в основе такого решения во всех случаях лежит либо индивидуальная, либо групповая воля. Но есть здесь и вторая составляющая: чем продиктовано такое волевое решение – объективными или субъективными обстоятельствами. Говоря иначе, это решение основано на обоснованном предположении о возможности наступления ущерба, либо это решение по принципу «я так хочу» и не имеет под собой объективной оценки действительного положения дел.

Приведем еще одно суждение В. Розенберга, на сей раз ошибочное:

«Что касается субъективной стороны понятия промысловой тайны, то, прежде всего, конечно, для возникновения для других лиц обязанности блюсти тайну требуется воля собственника торгово-промышленного предприятия, направленная именно на сохранение этого в секрете. Проявление такой воли возможно *expressis verbis*², но не обязательно; достаточно конклюдентных действий и даже наличности тех обстоятельств, при которых можно предполагать наличность такой воли. Другими словами, если объективные условия тайны имеются, а сами приемы, факты и процессы таковы, что обыкновенно принято содержать их в тайне, то, поскольку не выражено воли в противоположном смысле, нужно предполагать желание обладателя секрета сохранить его втайне. Эта мысль и выражена собственно Фридлендером, когда он утверждает, что приказчик сам должен знать, что хочет сохранить втайне его

¹ Там же. С. 14, 15.

² Буквально (лат.).

принципал, причем должен руководствоваться в этом отношении тремя признаками – собственным своим усмотрением лица, знакомого со всеми распоряжениями и деталями деятельности данного торгово-промышленного предприятия, возможностью сохранить тайну и наличием для принципала правового интереса к соблюдению тайны»¹.

Ошибочность данного суждения прямо связана с неразвитостью правовых взглядов того периода на правовую природу тайны и заключается в том, что никто не должен догадываться о необходимости что-то сохранять в тайне – обязанному лицу должно быть прямо предписано, что именно оно должно сохранять в тайне. В противном случае такой обязанности возникнуть не может.

Мысль по поводу приказчика, при переводе ее на современную почву, связана несколько с иными обстоятельствами, а именно с тем, кто должен определять содержание коммерческой тайны в организации, если директор и хозяин не совпадают в одном лице – сам хозяин либо наемный менеджер. Это особенно актуально для организаций, не имеющих доминирующего собственника, к которым, в частности, относится большинство крупных открытых акционерных обществ. Несмотря на тот факт, что анализируемую работу В. Розенберга и нас разделяет временной отрезок более, чем в столетие, однозначного ответа на данный вопрос не содержит и современное российское законодательство о коммерческой тайне.

Вместе с тем, следует констатировать, что основные контуры доктринального понимания коммерческой тайны как в части ее составляющих, так и относительно того, что она является важным инструментом обеспечения защиты конкуренции, сложились уже к началу XX в. Дальнейшая эволюция данного института в XX в. в нашей стране шла очень извилистым путем. Реализация экономической модели, получившей впоследствии название административно-командной экономики, не предполагала наличия рыночных отношений и свободной конкуренции, поэтому коммерческая тайна как механизм защиты конфиденциальной информации стала невостребованной, не получала практически весь социалистический период нормативного подкрепления и возникла вновь как система ограничения в доступе к информации только на рубеже последнего десятилетия XX в.

В советский период абстрактный государственный интерес был более значим, чем интерес конкретного коллектива, конкретного предприятия. Отсюда следовали всемерные усилия по распространению «рационализаторского» опыта, новых технологий, внедрение которых в производственную деятельность сдерживалось только дефицитом технических средств, качественного сырья и квалифицированных кадров.

Следует полагать, что в скрытой форме коммерческая тайна в социалистический период все же существовала, маскируясь под служебную и даже под государственную тайну, так как конкуренция между производственными коллективами все же существовала, в особенности в оборонном комплексе.

Возрождение коммерческой тайны на законодательном уровне произошло в 1990 г. путем включения в Закон СССР «О предприятиях в СССР»² ст. 33 «Коммерческая тайна предприятия».

Анализ некоторых положений данного акта представляет научный интерес в связи с появившейся в последние годы тенденцией к расширению государственного участия в экономике путем создания государственных корпораций и государственных компаний.

Исходя из задач настоящего исследования, необходимо понять, каким образом на предприятии могла образовываться коммерческая тайна и определить сферу действия ограничений по кругу лиц.

Данный законодательный акт понимал под предприятием «самостоятельный хозяйствующий субъект с правами юридического лица, который на основе использования трудовым коллективом имущества производит и реализует продукцию, выполняет работы, оказывает услуг. Предприятие не имеет в своем составе других юридических лиц».

Из данного определения следует, что предприятие является конечным звеном в цепочке юридических лиц, так как уже не может делиться на иные хозяйствующие субъекты.

По мысли законодателя того периода предприятие должно было сочетать в управлении принципы единоначалия и коллегиальности. Наряду с руководителем предприятия предусматривался совет (правление) предприятия, который должен был состоять из равного числа представителей, назначенных собственником имущества предприятия и избираемых его трудовым коллективом. Основными задачами совета предприятия являлись определение общего направления экономического и социального развития предприятия, в том числе внешнеэкономической деятельности, решение о выпуске ценных бумаг и их покупке, создание и прекращение деятельности филиалов и т.п., то есть, в сущности, те задачи, которые в настоящее время возложены либо на собрание акционеров (участников) хозяйственного общества, либо на совет директоров.

В то же время отнесение сведений к коммерческой тайне, под которой понимались «не являющиеся государственными секретами сведения, связанные с производством технологической информацией, управлением, финансами и другой деятельностью предприятия, разглашение (передача, утечка) которых может нанести ущерб его интересам», возможно было осуществлять только руководителю предприятия, который определял порядок защиты этой информации.

Исходя из таких законодательно определенных полномочий, руководитель предприятия формально мог не допускать к ознакомлению с данными сведениями ни представителей собственника, ни представителей трудового коллектива.

Обратим внимание на общий состав сведений, допускаемых к отнесению к коммерческой тайне после ее юридического возрождения. По большому счету, вся та же структура, что и у промысловой тайны: первый блок – производство, технологии (фабричная тайна), второй блок – управление и финансы (коммерческая тайна), только общее название стало менее архаичным. Отсюда следует, что общий состав коммерческой тайны остается неизменным в разные исторические промежутки времени, то есть носит объективный характер.

Определение коммерческой тайны через отрицание относимости к государственной тайне (государственным

¹ Там же. С. 16.

² Ведомости ВС СССР. 1990. № 25. Ст. 460.

секретам) также имело свой смысл. Таким образом законодатель стремился подчеркнуть по крайней мере два важных момента: во-первых, приоритет государственной тайны над коммерческой тайной, то есть потенциальную возможность трансформации коммерческой тайны в государственную тайну по желанию органов государственной власти; во-вторых, органическую взаимосвязь коммерческой тайны со служебной тайной, которая в тот период времени вместе с государственной тайно образовывала более общую категорию «государственные секреты». Отметим, что промысловая тайна доктринально определялась как один из методов осуществления конкурентной борьбы, но отнюдь не как некое множество информации, тесно соприкасающееся со множеством государственных секретов.

Важным условием существования такой системы ограничения в доступе к информации, как коммерческая тайна, стало определение некоторой области сведений, которые а priori не могли к ней относиться. Впоследствии данный метод был применен и в Законе Российской Федерации «О государственной тайне».

Статья 33 Закона СССР «О предприятиях в СССР» предусматривала следующую норму:

«Виды деятельности предприятий, сведения о которых не могут составлять коммерческую тайну, определяются Советом Министров СССР в целях предотвращения сокрытия предприятием сведений о загрязнении окружающей среды и другой негативной деятельности, способной нанести ущерб обществу».

В принципе, данное правовоположение является правильным, так как содержит общую посылку о запрете сокрытия информации о негативной деятельности по основанию легального ограничения в доступе к информации. Единственным моментом, не соответствующим современным правовым воззрениям на данную область общественных отношений, является возложение обязанности определять перечень такой информации правительству. Установление системы прав и обязанностей в вопросах ограничения прав на доступ к информации или снятие подобных ограничений является прерогативой законодателя.

Закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности»¹, который в целом можно воспринять как попытку создания параллельной союзному законодательству системы правового регулирования отношений в сфере функционирования субъектов предпринимательской деятельности, несколько не продвинул вперед регулирование отношений в области коммерческой тайны и даже не содержал отдельной статьи, посвященной данному институту. В ст. 28 «контроль за деятельностью предприятия» регулированию данных отношений было посвящено всего три фразы: «Предприятие имеет право не представлять информацию, содержащую коммерческую тайну. Перечень сведений, составляющих коммерческую тайну, определяется руководителем предприятия. Перечень сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну, определяется Советом Министров РСФСР».

Если рассматривать Закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» вне взаимосвязи с Законом СССР «О предприятиях в СССР», что, в сущности, и было на практике, то область сведений, которые возможно было относить к коммерческой тайне, определялась российским законодателем того периода предельно широко и ограничивалась только перечнем исключений.

В качестве заключения следует отметить, что институт коммерческой тайны в российском законодательстве с начала 90-х годов XX века претерпел достаточно много изменений, получил довольно широкое правовое регулирование, в чем есть заслуга и дореволюционного законодательства, и законодательства периода возрождения в нашей стране рыночных экономических отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свод законов Российской империи // КонсультантПлюс, 2008.
2. Закон СССР от 04.06.1990 № 1529-1 «О предприятиях в СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 25. Ст. 460.
3. Закон РСФСР от 25.12.1990 № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 27.12.1990. № 30. Ст. 418.
4. Добровольский В.И. Инсайдерская информация в мировой практике, служебная информация и коммерческая тайна в России // Предпринимательское право. 2008. № 4. С. 29–41.
5. Забегайло Л.А., Назарова И.А. Актуальные вопросы охраны коммерческой тайны в отношениях с органами государства // Современное право. 2011. № 7. С. 3–8.
6. Пронин К.В. Защита коммерческой тайны. М.: ГроссМедиа Ферлаг, 2006.
7. Розенберг В. Промысловая тайна. СПб., 1910.
8. Северин В.А. Коммерческая тайна в России. М.: Зерцало-М, 2007.
9. Топоркова С.А. Разглашение охраняемой законом тайны как трудовое правонарушение // Трудовое право в России и за рубежом. 2012. № 3. С. 26–30.
10. Фатьянов А.А. Тайна как социальное и правовое явление. Её виды // Государство и право. 1998. № 6. С. 5–14.
11. Bone R.G. "A New Look at Trade Secret Law: Doctrine in Search of Justification." *California Law Review* 86.2 (1998): 241–313.
12. Friedman D.D., Landes W.M., Posner R.A. "Some Economics of Trade Secret Law." *Journal of Economic Perspectives* 5.1 (1991): 61–72.
13. Jager M.F. *Trade Secrets Law*. New York: C. Boardman, 1985.
14. Lowry S. "Inevitable Disclosure Trade Secret Disputes: Dissolutions of Concurrent Property Interests." *Stanford Law Review* 40.2 (1988): 519–544.
15. Saulino J.L. "Locating Inevitable Disclosure's Place in Trade Secret Analysis." *Michigan Law Review* 100.5 (2002): 1184–1214.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Фатьянов, А. А. Очерк истории развития института коммерческой тайны в российском законодательстве имперского периода и периода возрождения рыночных экономических отношений / А.А. Фатьянов // Пространство и Время. — 2014. — № 4(18). — С. 168—174. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271prov_st4-18.2014.82

¹ Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 30. Ст. 418.